

*Savchuk Ruslana Ivanovna,
Kyiv National Linguistic University,
PhD, Associate professor, Post-Doctoral Researcher
Department of Spanish and French Philology
E-mail: Slana11@rambler.ru*

**Writer "alerted mental status" as sign dominant
in the 19th century text formation
(on the example of Gérard de Nerval Novel "Aurélia ou le rêve et la vie")**

Abstract: The paper has outlined and has analyzed the basic narrative text mechanisms of possible worlds' creation in the 19th century French literary text. For the purpose of determining principal tendencies of the possible world's formation by French author Gérard de Nerval in his novel "Aurélia ou le rêve et la vie" have been found out the regularities of the creation and the development of text possible worlds according to such narrative strategy as writer "alerted mental status".

Keywords: alerted mental status, narrative strategy, homodiegetic narrator, possible worlds.

*Савчук Руслана Ивановна
Киевский национальный лингвистический университет
кандидат филол. наук, доцент,
докторант кафедры испанской и французской филологии
E-mail: Slana11@rambler.ru*

**"Измененное сознание" писателя как знаковая доминанта нарративных стратегий в художественном текстообразовании XIX века
(на примере романа Жерара де Нерваля "Aurélia ou le rêve et la vie")**

Аннотация: В статье представлены и проанализированы основные нарративные и текстовые механизмы создания возможных миров во французском художественном произведении XIX века. С целью определения наиболее показательных тенденций в формировании французским писателем Жераром де Нервалем возможных миров в романе "Aurélia ou le rêve et la vie" определены главные закономерности их порождения и построения сквозь призму нарративной стратегии "измененное сознание писателя".

Ключевые слова: измененное сознание, нарративная стратегия, гомодиегетический повествователь, возможные миры.

Считается, что художественный текст отсылает своего читателя или интерпретатора к представлению о некотором фрагменте авторской действительности. В семантическом пространстве языка обрисовываются микрокосмы, не являющиеся копиями того, что существует и развивается в настоящем мире [3, 18]. Именно такие мыслительные универсумы мы называем *возможными мирами*.

С точки зрения внутренней референции художественный мир писателя возникает как некий *действительный микрокосм*, относительно которого автор актуализирует семантическое пространство возможных миров в терминах потенциальности / нереальности / ирреальности, детерминирующих модальный аспект категории возможности [2, 103].

Исходя из того, что роман французского писателя XIX века Жерара де Нерваля был написан во время его пребывания в клинике из-за серьезных психических расстройств, предполагаем, что именно в состоянии болезненного, а значит, измененного и/или искаженного сознания, автор создал фантастические ирреальные миры, являющиеся для него самого ничем иным, как миром действительности.

Таким образом, в *измененном сознании* писателя мы усматриваем одну из наиболее ярко представленных знаковых доминант нарративных стратегий французского художественного текстообразования XIX века.

В нарративном пространстве упомянутого выше романа выделяем два возможных мира персонажного бытия, а именно *мир помешательства как некоего болезненного состояния*, и *мир сновидений и сонных визий*. Эти возможные миры не только сосуществуют, но и интерферируют между собой, что, по мнению французских текстологов, подчеркивает *двойственность* индивидуально-авторской картины мира писателя (*la conception d'un monde dédoublé*) [7, 3]. Мы полагаем, что названные возможные миры являются взаимно пропорциональными, поскольку *мир помешательства как некоего болезненного состояния* актуализирует *мир сновидений и сонных визий*.

Укажем, прежде всего, на то, что текстовым референтом *мира помешательства как некоего болезненного состояния* выступает болезнь автора, проявлениями которой есть многочисленные психические расстройства и кризисы писателя, что воплощено в произведении лексическими единицами, имеющими сему *болезнь / сумасшествие* (*une longue maladie; un engourdissement nébuleux; ma force et mon activité doublées; des délires infinis; le moi, sous une autre forme*). В свою очередь, *мир сновидений и сонных визий* основывается на предрасположенности больного организма к сверхъестественному восприятию действительности, что эксплицировано или *имплицировано* в романе лексемами со значением *сон / визия / откровение* (*rêve n.m., rêverie n.f., sommeil n.m., image n.f., pensée n.f., délire n.m., imagination*).

Итак, обратимся к авторскому тексту:

<> Pendant la nuit qui précéda mon travail, je m'étais cru transporté dans une planète obscure où se débattaient les premiers germes de la création. Du sein de l'argile encore molle s'élevaient des palmiers gigantesques, des euphorbes vénéneux et des acanthes tortillées autour des cactus; les figures arides des rochers s'élançaient comme des squelettes de cette ébauche de création, et de hideux reptiles serpentaient, s'élargissaient ou s'arrondissaient au milieu de l'inextricable réseau d'une végétation sauvage. La pâle lumière des astres

éclairait seule les perspectives bleuâtres de cet étrange horizon; cependant, à mesure que ces créations se formaient, une étoile plus lumineuse y puisait les germes de la clarté. Puis les monstres changeaient de forme, et dépouillant leurs premières peaux, se dressaient plus puissants sous des pattes gigantesques; l'énorme masse de leurs corps brisait les branches et les herbages, et, dans le désordre de la nature, ils se livraient des combats auxquels je prenais part moi-même, car j'avais un corps aussi étrange que les autres [8, 34-36].

В цитируемом фрагменте художественного произведения возможные миры выстраиваются дихотомией таких сигнификатов, как *свет* и *мрак*, что в повествовании вербализировано через оппозицию лексем *la nuit* ("ночь"), ассоциирующейся с чем-то таинственным, болезненным, бессознательным, и *l'aube* ("рассвет") как начальным этапом зарождения чего-то нового и еще непознанного. При этом, *мир помешательства как некоего болезненного состояния* воплощен такими текстовыми знаками, как существительное *nuit* n.f. и прилагательное *obscur* adj. в денотативных значениях соответственно: "espace de temps qui s'écoule depuis le coucher jusqu'au lever du soleil" [5] и "qui est privé (momentanément ou habituellement) de lumière ⇒ enténébré, noir, sombre" [ibid.].

Мир сновидений и сонных визий обозначается здесь коннотативно: *la pâle lumière des astres éclairait seule les perspectives bleuâtres de cet étrange horizon; une étoile plus lumineuse y puisait les germes de la clarté*, через сочетание денотативных значений существительных *lumière* n.f.: "ce par quoi les choses sont éclairées ⇒ clarté" [ibid.], *astre* n.f.: "corps céleste naturel visible" [ibid.], *étoile* n.f.: "tout astre visible, excepté le Soleil et la Lune; point brillant dans le ciel, la nuit ⇒ astre" [ibid.], *clarté* n.f.: "lumière qui rend les objets visibles d'une façon nette et distincte ⇒ lueur, nitescence" [ibid.], прилагательных *pâle* adj.: "qui a peu d'éclat ⇒ doux, faible" [ibid.], *bleuâtre* adj.: "qui tire sur le bleu, n'est pas franchement bleu" [ibid.], *lumineux* adj.: "qui a beaucoup de clarté, de lucidité" [ibid.] и глагола *éclairer* v.tr.: "répandre de la lumière (naturelle ou artificielle) sur (qqch. ou qqn)" [ibid.] с вариантным значением текстовой

единицы *création* n.f.: "action de donner l'existence, de tirer du néant ⇒ genèse ⇒ commencement, origine" [ibid.].

В этом случае, в *сонных визиях* гомодиегетического повествователя усматриваем *аллюзию* на создание Мира (*les premiers germes de la création; cette ébauche de création*), во время которого происходит потеря или неосознание своей идентичности и границ собственного "я". С точки зрения медицины, эти процессы являются наиболее выразительными проявлениями психического расстройства [6, 27-40]. В художественном тексте Ж. де Нерваля такое состояние представлено *метафорами* (*dans le désordre de la nature*), *гиперболами* (*l'énorme masse de leurs corps*) и сравнениями (*j'avais un corps aussi étrange que les autres*). Именно эти фигуры имплицитно ощущают несуществование собственного тела и осмысление себя неотъемлемой частью химерических созданий и настоящих великанов.

Коннотативное значение лексемы *monstre* n.m.: "chose bizarre, incohérente, formée de parties disparates" [5] актуализирует *мир сновидений и сонных визий*, в котором все кажется фантастическим и невозможным, поскольку *des monstres changeaient de forme, et dépouillant leurs premières peaux, se dressaient plus puissants sous des pattes gigantesques* ("странные создания меняли свои формы, снимая с себя верхний слой кожи, а благодаря своим огромнейшим лапам становились еще сильнее").

У писателя текстовыми знаками *мира помешательства как некоего болезненного состояния* выступают также существительные *évanouissement* n.m. как физическое состояние человека, близкое к его *бессознательному состоянию*: "le fait de perdre connaissance; perte momentanée et complète de la conscience, de la sensibilité et de la motilité, accompagnée d'un affaiblissement des battements cardiaques et d'un ralentissement de la respiration" [5], и *fièvre* n.f.: "élévation anormale de la température du corps ⇒ hyperthermie" [ibid.] как результат чрезмерного *эмоционального перевозбуждения*. В сочетании с глаголом *s'emparer* v.pron.: "se rendre maître (d'un esprit, d'une personne) au point de dominer, de subjuguier ⇒ envahir, gagner" [ibid.], лексема *fièvre* n.f.

воплощает полную потерю чувства реальности, а значит, имплицитно подразумевает переход главного героя в другой мир, и именно в *мир сновидений и сонных визий*.

Конструирование подобных возможных ирреальных миров стало одной из наиболее выразительных тенденций в художественной литературе XIX ст. [6, 27-40]. По мнению французского текстолога Пьера Кастекса, они выстраиваются посредством таких референтных физиологических или эмоциональных состояний человека, как *сон, страх, опьянение, эмоциональное* или *психическое перевозбуждение, угрызения совести* и других *патологических* и *нездоровых* проявлений человеческого организма, что, в свою очередь, может усиливаться иллюзиями, страхами и бредом [4, 6]. При этом, главными персонажами в таких возможных мирах, как мы видим на примере романа Ж. де Нерваля, выступают безликие, одинокие создания с почти неопределенной идентичностью.

Итак, исходя из вышеизложенного, можем утверждать, что референтом создания возможных миров персонажного бытия в романе Ж. де Нерваля является собственно "текст памяти" [1, 113] французского автора, поскольку, по убеждению текстологов и исследователей нарративной поэтики писателя, именно пережитые им психические расстройства вследствие несчастной любви к Жени Колон [6, 27-40] объясняют особенную мистификацию и почти шизофреническое раздвоение главного героя романа.

References:

1. Brazgovskaya E.E. Languages and codes. Introduction to the semiotics of culture. Perm, 2008.
2. Novikova A.V. Referential and situational analysis of semantics of possible worlds. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta, Vol. 26, 2008.

3. Oleynikova G.A. Composition and speech means of the expression of a parallel reality in English science fiction text. Thesis for a candidate's degree in Philology. Odessa, 2009.
4. Castex P. Anthologie du conte fantastique. P. : Librairie José Corti, 1947.
5. Dictionnaire Le Petit Robert électronique / Version électronique du Nouveau Petit Robert, dictionnaire analogique et alphabétique de la langue française. Paris, 1997.
6. Djavari M.-H., Afkhami Nia M., Daftarchi N. Fantastique et techniques textuelles dans Aurélia de Gérard de Nerval. Revue des Études de la Langue Française, № 9, 2013.
7. Masi J. La mise en scène du double dans l'Aurélia de Nerval. 2004/2007.
8. Nerval G. Aurélia ou le rêve et la vie. Paris : Éd. Classiques, 2014.